

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-30-35
УДК 908

Дата поступления статьи: 10/IV/2019
Дата принятия статьи: 25/IV/2019

Л.Г. Мкртчян

АРМЯНСКИЕ БЕЖЕНЦЫ В САМАРСКОМ КРАЕ В 1915–1920-Е ГГ.

© Мкртчян Луиза Геворговна – аспирант, кафедра российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: mkrтчянлуиза@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5396-8707>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена истории формирования армянской диаспоры Самарского края в период геноцида начала XX в. Задача исследования состоит в том, чтобы реконструировать социальный портрет армянских беженцев, прибывавших в Самарский край. На основе документов из фондов Центрального государственного архива Самарской области (паспортов, удостоверений беженца, анкетных листов) создана база данных, позволившая решить поставленную задачу. С помощью количественных методов были охарактеризованы динамика численности армянских беженцев, получивших удостоверения в Самаре в период 1915–1921 гг., распределение беженцев по полу, возрасту, семейному положению, месту выбытия. Определено, что в 1915–1921 гг. общая численность армянских беженцев в Самаре составляла более 400 человек.

В результате проведенного исследования доказано, что армянская диаспора Самарского края в годы геноцида формировалась за счет беженцев преимущественно из Восточной Армении; армянские беженцы с семьями стали массово прибывать в Самарский край в 1919 г. Центром прибытия была Самара, но беженцы находились также во всей Самарской губернии и сопредельных регионах. По социальному составу в основном это были представители средних ремесленных слоев, молодого поколения (преобладающая возрастная группа – от 20 до 44 лет); четверть от общего числа беженцев составляли дети. Часть беженцев впоследствии осталась в Самарском крае, что подтверждается статистическими данными и архивными источниками. Таким образом, период 1915–1921 гг. стал важным этапом формирования армянской диаспоры Самарского края.

Ключевые слова: армяне, диаспора, Самарский край, геноцид, беженцы.

Цитирование. Мкртчян Л.Г. Армянские беженцы в Самарском крае в 1915–1920-е гг. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 30–35. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-30-35>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

ARMENIAN REFUGEES IN THE SAMARA REGION IN 1915–1920-IES

© Mkrтчyan Luiza Gevorgovna – postgraduate student, Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.
E-mail: mkrтчyanluiza@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5396-8707>

ABSTRACT

The article is devoted to the history of the formation of the Samara regional Armenian diaspora in the period of the Genocide at the beginning of the 20th century. The task of the study is to reconstruct the social portrait of Armenian refugees who were arriving to the Samara Region. On the basis of documents from the funds of the Central State Archive of the Samara Region (passports, refugee certificates, questionnaires), a database was created that allowed the task to be solved. The author used quantitative methods to determine the dynamics of the number of Armenian refugees who received certificates in Samara in the period 1915–1921, the distribution of refugees by gender, age, marital status, place of departure. According to calculations, the total number of Armenian refugees in Samara in 1915–1921 was more than 400 people.

As a result of the study, it was proved that the Armenian diaspora of the Samara Region in the years of the Genocide was formed from the refugees who arrived mainly from Eastern Armenia; Armenian refugees with their families began to arrive en masse to the Samara Region in 1919. Samara was the arrival center, but the refugees stayed also in the entire Samara province and neighboring regions. In terms of social composition, the refugees were representatives of the middle artisan strata, mostly the younger generation (the predominant age group was from 20 to 44 years); a quarter of the total number of refugees were children. Some of the refugees subsequently remained in the Samara Region, that is confirmed by statistical data and archival sources. The study allows us to characterize the period of 1915–1921 as an important stage in the formation of the Samara regional Armenian diaspora.

Key words: Armenians, diaspora, Samara region, Genocide, refugees.

Citation. Mkrтчyan L.G. *Armyanskie bezhentsy v Samarskom krae v 1915–1920-e gg.* [Armenian refugees in the Samara Region in 1915–1920-ies]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 2, pp. 30–35. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-30-35> [in Russian].

Введение

История армянской диаспоры Самарского края находится на пересечении нескольких важных научных проблем.

Одна из них – история формирования армянской диаспоры (под этим термином в современной науке понимается «совокупность населения определенной этнической или религиозной принадлежности, которое проживает в стране или регионе нового расселения» [Тишков 2000, с. 43]) в мировом и российском масштабе. В современном мире армянская диаспора входит в десятку в «мировой этнической сетке» по численности и в тройку по уровню влияния; костяк сегодняшней «классической» диаспоры составляют потомки выходцев из Западной Армении, чьи предки сумели спастись во время геноцида 1915–1923 гг. [Армяне в России... 2013, с. 7].

В то же время обращение к данной теме позволяет проследить историю формирования многонационального облика населения Самарского края. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Самарской области проживают представители 157 национальностей; среди народов Самарской области шестое место по численности (22 981 чел.) занимают представители армянской

диаспоры – частица многомиллионной армянской диаспоры, разбросанной по всему миру (Всероссийская перепись населения 2010). Армянская диаспора Самары характеризуется не только значительной численностью (в пять раз выше, чем в соседних Ульяновской и Пензенской областях), но и активным участием в общественной и культурной жизни Самарского края. В связи с этим возникает необходимость самоидентификации общины, обращения к историческому опыту ее формирования, интеграции и социального поведения в этнокультурных условиях Самарского края. К этой проблематике обращался ряд исследователей, в том числе активные представители местной общины, такие как В.Г. Каркарьян [Каркарьян 2003, с. 220–226], А.Р. Мартиросян [Мартиросян 2003, с. 106–113], Л.А. Агаджанян [Агаджанян 2016].

Постановка задач

Представители армянского народа проживали в Самаре еще в XIX в. По результатам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. армянская диаспора Самарского края насчитывала 33 человека по Самарской губернии, 21 из которых проживал в г. Самаре, и представляла собой немногочисленную торгово-промыш-

ленную общность (Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897, с. 58).

Юридический статус общины армянская диаспора Самарского края впервые приобрела в годы Гражданской войны. Это было обусловлено резким увеличением численности диаспоры в крае в связи с притоком армянских беженцев из Армении в условиях геноцида.

В историографии до сих пор не предпринималось попытки исследовать данный период в истории армянской диаспоры Самарского края в контексте геноцида: определить численность, территориальное и социальное происхождение беженцев, годы и маршруты их прибытия в Самарский край, изучить процедуру оформления документов, обеспечивавших им право на проживание в России. Решение данных проблем и явилось задачами настоящего исследования.

Методология

Источниковой базой для исследования послужили архивные документы, обнаруженные автором в Центральном государственном архиве Самарской области. В фонде Самарского губернского отдела управления исполнительного комитета губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Самары находится дело с паспортами, дававшими право на свободное проживание в России армянским подданным; документы выдавались в период Гражданской войны по удостоверениям беженца (ЦГАСО. Ф. Р-193. Оп. 4. Д. 8). На основании этого массива документов была сформирована база данных, включающих в себя следующие параметры: фамилия, имя и отчество беженца, его возраст; семейное положение, состав семьи; место выбытия; кем выдано удостоверение или российский паспорт; дата получения удостоверения беженца; дата получения российского паспорта; дополнительная информация (в ряде случаев документы содержали сведения биографического характера и данные о роде занятий беженца).

На основе количественных методов были охарактеризованы динамика численности армянских беженцев, получивших удостоверения в Самаре в период 1915–1921 г., распределение беженцев по полу, возрасту, семейному положению, месту выбытия. Подсчеты существенно затруднял тот факт, что, как правило, паспорт получал лишь глава семьи, указывая в графе «Семейное положение» остальных членов семьи (от 2 до 5 человек); во многих случаях имена, пол и возраст членов семьи не указывались или указывались выборочно. Поэтому большинство расчетов произведено применительно к главам семьи и одиноким, получавшим паспорт на свое имя. Отдельно были произведены подсчеты, позволившие определить распределение по возрасту армянских детей, получавших удостоверения индивидуально или указанных в составе семьи. Таким образом, сохранившиеся в архиве документы позволяют реконструировать многомер-

ный социальный портрет армянских беженцев Самарского края в 1918–1920-е гг.

Ход исследования

В годы Первой мировой войны и геноцида армянские беженцы тысячами хлынули в Россию; согласно подсчетам А. Амбарян, к 1919 г. только в Среднем Поволжье насчитывалось более 4 тысяч беженцев из Западной Армении. Общественные организации и комитеты помощи армянским беженцам создавались на Кавказе, в Москве и Петрограде; в поволжских городах также действовали различные общественные организации – такие как дамские попечительские комитеты, которые участвовали в акции по сбору средств «Один армянин – один золотой», объявленной газетой «Армянский вестник», а также по сбору одежды для детей-сирот из числа беженцев [Амбарян 2011, с. 142]. Все эти организации с 1916 г. возглавлял и координировал Эчмиадзинский комитет братской помощи, сыгравший важную роль в помощи беженцам, давший им возможность выжить, адаптироваться, получить моральную поддержку, медицинскую помощь, продовольствие. Эчмиадзинский комитет действовал при поддержке Эчмиадзинского католикосата [Арутюнян 2006, с. 26].

Центром прибытия беженцев была Самара, куда они приезжали через Оренбург и Саратов. Здесь беженцы получали российские паспорта сроком на полгода. По истечении этого срока они должны были восстановить национальный паспорт (ЦГАСО. Ф. Р-193. Оп. 4. Д. 8. Л. 1). Главным основанием для получения российских паспортов были удостоверения и билеты беженцев, выданные датским Красным Крестом (ЦГАСО. Ф. Р-193. Оп. 4. Д. 8. Л. 238 об.), и удостоверения, подтверждающие национальную идентичность, от пастыря армян г. Самары архимандрита Григориса (ЦГАСО. Ф. Р-193. Оп. 4. Д. 8. Л. 444 об.). Действовавшая в Самаре Миссия датского Красного Креста по защите населения, председателем которой был Гонсдаль (ЦГАСО. Ф. Р-193. Оп. 4. Д. 8. Л. 238 об.), выдавала удостоверения различным иностранцам, поскольку в годы Гражданской войны Самара оказалась на пересечении многих миграционных потоков.

Кроме названных выше институтов билеты беженцев выдавали Самарская губернская чрезвычайная комиссия, Самарский грузинский комитет, Отдел управления исполкома Самаро-Златоустовской железной дороги, Саратовский отдел по делам армян, Сызранское городское полицейское управление, Армянский национальный комитет г. Оренбурга, Уфимский губовак, Мелекесская городская милиция. Этот перечень организаций позволяет судить о том, что армянские беженцы находились и в других населенных пунктах Самарской и сопредельных губерний. Часть прибывших уже имела при себе билеты беженцев, выданные на родине (в качестве выдавших их организаций и должностных лиц указывались Армянское консуль-

ство г. Владикавказа, Бакинский мещанский староста, Артвинское полицейское управление, Особый отдел Южной группы иностранцев).

Согласно подсчетам на основе сохранившихся документов, всего было выдано 236 удостоверений различными органами власти, общественными организациями и их представителями. 50 % удостоверений беженцев выдали Самарский отдел датского Красного Креста (35 % от общего количества) и пастырь Самарской армянской религиозной общины (15 %). Одна шестая часть от общего количества полученных удостоверений была выдана Самарской городской милицией и Самарским губернским отделом управления. Можно сделать вывод, что подавляющую часть удостоверений армянские беженцы получали по прибытии в Самарский край.

Удостоверения беженцев, сохранившиеся в архиве, можно классифицировать по году их получения. Общий период получения удостоверений — с 1915 по 1921 г.; из 182 беженцев, отметивших год получения удостоверения, 146 указали 1919 г., что составляет 80 % от общего количества ответов (абсолютное большинство), 13 % беженцев указали 1920 год, 4 % — 1918 год. Местами выбытия армянских беженцев явились Армения (181 человек, или 84 %), в том числе Елизаветпольская губерния (15 человек, или 6 %), Эриванская губерния (13 человек, или 5 %), Эрзерум (1 %). 72 % подданных Армении не указали конкретное место выбытия. Оставшаяся часть беженцев включала выходцев из Грузии (7 %, в том числе из Тбилисской и Кутаисской губерний) и Азербайджана (все 7 % беженцев были из Баку).

Таким образом, пик притока беженцев приходится на весну 1919 г. в период массовых миграций преимущественно из Восточной Армении (Эриванской, Елизаветпольской, Карсской губерний), когда там происходили турецкие погромы после ухода русских войск в 1918 году.

Период оформления паспортов в Самаре составлял несколько месяцев; в некоторых случаях они выдавались сразу. По нашим подсчетам, паспорта получили 214 человек (это неполные данные: в архивном деле отсутствует некое количество вырезанных листов). При этом лишь один член семьи получал паспорт, указывая в графе «Семейное положение» имена остальных членов семьи. Судя по этим данным, средняя численность семей прибывших составляла 3 человека (показатели варьируются от 2 до 5 человек на семью).

Поскольку графа «Семейное положение» могла пониматься в разных аспектах, некоторые беженцы указывали, состоят они в браке или нет. 39 % беженцев отметили, что прибыли с семьями. Семья чаще всего состояла из близких родственников (супруги, родители, дети, дяди, тети).

Более половины беженцев (54 % — 222 человека) составили мужчины, 35 % (147 человек) — женщины, у 11 % (44 человека, речь шла о детях) пол не был указан. Общее число беженцев, согласно паспортным данным, составило 413 человек.

Отметим, что 89 % владельцев удостоверений беженцев и получивших российские паспорта (то есть абсолютное большинство) указали возраст как свой, так и членов семьи. Преобладающую возрастную группу (62 %) составляло молодое поколение — от 20 до 44 лет. Численность детей беженцев — 103 человека, причем у 68 % из них был указан возраст. Четверть из указавших возраст составили дети до 9 лет (13 % — до 5 лет, 12 % — 5–9 лет). Почти половину (43 %) составили дети подросткового возраста (20 %) и совершеннолетние, вписанные в паспорт родителей (23 %).

Контингент прибывших относился в основном к городскому ремесленному слою. Многие беженцы в анкетных листах отмечали, что родом их деятельности является чувяшничество (производство обуви). Так, Симонянц Унан Степанович указал следующие сведения о себе: армянин 17 лет, армяно-григорианского вероисповедания, чувяшник, выходец из Ереванской губернии, г. Нахичевань, бежал от турок, приехал по билету беженца (ЦГАСО. Ф. Р-193. Оп. 4. Д. 8. Л. 108). Меньшую часть беженцев составляли крестьяне.

О занятиях беженцев мы можем судить по заполненным ими анкетным листам иностранцев. К сожалению, сохранилось лишь 11 % таких анкетных листов, заполненных армянскими беженцами. В них указывался род занятий на родине и в России. Были зафиксированы следующие занятия на родине: садоводство, учеба, служба, лесничество, чувяшничество, сапожничество, портновское и парикмахерское дело. Род занятий беженцев в Самаре зачастую оставался прежним: 4 человека из 7, указавших род занятия «чувяшник», сохранили род деятельности в Самаре. 3 человека указали, что служат в Горпотребе. Кроме того, были указаны такие занятия: служба на Самарской железной дороге, в Отделе военачальника Самары, в Самарском губернском бюро, парикмахерское дело, учеба, хлебопашничество, чернорабочий.

Анализируя данные из анкетных листов, можно заметить две особенности. Во-первых, в них указывалась лояльность по отношению к советской власти, которую было необходимо подтвердить через организации или конкретных людей. Во-вторых, при заполнении анкетных листов избегали приводить факты, подтверждающие статус беженца. В графе «Цель прибытия» указывались личные причины (учеба и пр.). Однако имена заполнявших анкетные листы лиц были обнаружены и среди билетов и удостоверений беженцев. Например, Аваков Карапет Сергеевич в анкетном листе указывает следующее: неграмотный; православный; в Россию прибыл железной дорогой в 1905 г. по работе; занятие на родине — чувяшник, в России — то же; родился в Тифлисе; документы, удостоверяющие личность, — паспорта Губотдела; принадлежность к Губсоюз; семья находится в Самаре; проживает на свои средства; отбывал воинскую повинность в Самаре; воинский чин — рядовой; за лояльность по отношению к советской власти

поручается Губсоюз; перемена адреса – Шихобалова, 47 (ЦГАСО. Ф. Р-193. Оп. 4. Д. 8. Л. 76). Вместе с тем на его же имя есть билет беженца, выданный Самарским отделом датского Красного Креста в апреле 1919 г. (ЦГАСО. Ф. Р-193. Оп. 4. Д. 8. Л. 29). Сами вопросы анкетных листов не предполагали указания статуса беженца и были сформулированы так: «Когда прибыл в Россию», «По какому делу приехал», «Каким путем приехал». Это наводит на мысль, что власть не была заинтересована в том, чтобы афишировать вопрос об армянских беженцах и масштабы проблемы в условиях заполненности Самары тысячами различных беженцев.

Полученные результаты и выводы

Таким образом, архивные данные позволяют сделать вывод, что армянские беженцы с семьями стали массово прибывать в Самарский край в 1919 г. Центром прибытия была Самара, но беженцы находились также во всей Самарской губернии и сопредельных регионах. Армянские беженцы были выходцами преимущественно из Восточной Армении. По социальному составу это были представители средних ремесленных слоев, в основном молодого поколения. Четверть от общего числа беженцев составили дети (до 5 лет и подростки).

Сколько же беженцев «осело» в Самарском крае в дальнейшем? Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., численность армянского населения Самарской губернии к 1926 г. составила 239 человек (приверженцев Армянской церкви), 222 из них проживали в городе Самаре, в селах – 6 человек (Всесоюзная перепись населения 1926 г., с. 34).

По-видимому, большая часть армянских беженцев покинула Самарский край, поскольку случаи обновления российских паспортов встречаются в архивных материалах редко. Возможно, измученные армяне умерли от страшного голода, настигшего Поволжье в 1920-е гг.; кто-то из них мог продолжить свой беженский путь, переехав в другие регионы России. Но малая часть беженцев осталась в Самарском крае. Это подтверждается не только статистическими данными, но и тем, что их имена встречаются в других архивных источниках. На основании этого мы можем выделить период геноцида и Гражданской войны как важный этап формирования армянской диаспоры Самарского края.

Источники фактического материала

Всероссийская перепись населения 2010 – *Всероссийская перепись населения 2010 г.* Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации. Самарская область // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php?reg=56 (дата обращения: 05.04.2019).

Всесоюзная перепись населения 1926 – *Всесоюзная перепись населения 1926 года*. Т. 9: Российская

Социалистическая Федеративная Советская республика. Отд. 1. Народность, родной язык, возраст, грамотность / Центр. стат. упр. СССР. Отдел переписи. М.: ЦСУ, 1929. 228 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 – *Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.* / Изд. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел; под ред. Н.А. Тройницкого. XXXVI. Самарская губерния. СПб., 1904. 201 с.

ЦГАСО – *Центральный государственный архив Самарской области*.

Библиографический список

Агаджанян 2016 – *Агаджанян Л.А.* Армянская община в Самаре: история и этнокультурные аспекты развития (середина XIX–XXI века): дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2016. 262 с.

Амбарян 2011 – *Амбарян А.* Интеграция армянской диаспоры в общероссийский социум на примере Поволжья: ретроспектива проблемы // *Власть*. 2011. № 11. С. 138–142. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17065687>.

Армяне в России... 2013 – *Армяне в России*: сб. ст. / под ред. Э.Р. Григорьяна. М.: Институт социальных наук, 2013. 157 с. URL: <http://programma.x-pdf.ru/16tehnicieskie/388932-1-armyane-rossii-sbornik-statey-moskva-201-bbk-udk-3-00183-100-armyane-rossii-sbornik-statey-pod-red-ergrigoryana.php> [in Russian].

Каркарьян 2003 – *Каркарьян В.Г.* Армяне // *Этносы Самарского края: ист.-этногр. очерки*. Самара, 2003. С. 220–226.

Мартirosян 2003 – *Мартirosян А.Р.* Армения и армяне Самарской губернии. Самара, 2003. 176 с. URL: <https://docplayer.ru/44126954-Armeniya-i-armyane-samarskoy-gubernii.html>.

Тишков 2000 – *Тишков В.А.* Исторический феномен диаспоры // *Этнографическое обозрение*. 2000. № 2. С. 43–63.

Арутюнян 2006 – Հարությունյան Ա. Հայոց Մեծ Երեւոնը եւ հայ գաղթականությունը Կովկասում 1914–1916 թթ. // *Հայոց Ցեղասպանության արդի խնդիրներ*. 2006 №1. Էջ 26.

References

Agadzhanian 2016 – *Agadzhanian L.A.* *Armianskaia obschina v Samare: istoriia i etnokul'turnye aspekty razvitiia (seredina XIX–XXI veka): dis. ... kand. ist. nauk* [The Armenian community in Samara: history and ethnocultural aspects of development (middle of 19th – 21st century): Candidate's of Historical Sciences thesis]. Samara, 2016, 262 p. Available at: <http://www.dslib.net/etnografia/armjanskaja-obwina-v-samare-istorija-i-jetnokulturnye-aspekty-razvitija.html> [in Russian].

Ambaryan 2011 – *Ambaryan A.* *Integratsiya armyanskoi diaspori v obshcherossiiskii sotsium na primere Povolzhya: retrospektiva problemy* [Integration of the Armenian diaspora into the all-Russian society on the example of the Volga Region: a retrospective of the problem]. *Vlast'* [Power], 2011, no. 11, pp. 138–142. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17065687> [in Russian].

Armyane v Rossii... 2013 – *Armyane v Rossii: sbornik statei*. Pod red. E.R. Grigoryana [Armenians in Russia.

- Collection of articles. E.R. Grigorian (Ed.). M.: Institut sotsial'nykh nauk, 2013, 157 p. Available at: <http://programma.x-pdf.ru/16tehlicheskie/388932-1-armyane-rossii-sbornik-statey-moskva-201-bbk-udk-3-00183-100-armyane-rossii-sbornik-statey-pod-red-ergrigoryana.php> [in Russian].
- Karkar'yan 2003 – *Karkar'yan V.G. Armyane* [Armenians]. In: *Etnosy Samarskogo kraja: ist.-etnogr. ocherki* [Ethnic groups of the Samara Region: historical and ethnographic essays]. Samara, 2003, pp. 220–226. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19684208> [in Russian]
- Martirosyan 2003 – *Martirosyan A.R. Armeniya i armyane Samarskoi gubernii* [Armenia and the Armenians of the Samara Region]. Samara, 2003, 176 p. Available at: <https://docplayer.ru/44126954-Armeniya-i-armyane-samarskoy-gubernii.html> [in Russian].
- Tishkov 2000 – *Tishkov V.A. Istoricheskii fenomen diaspory* [Historical phenomenon of the diaspora]. In: *Etnograficheskoe obozrenie*, 2000, no. 2, pp. 43–63. Available at: <http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document1793.pdf> [in Russian].
- Harutunyan 2006 – *Harutunyan A. Hayots Mets Yegherne yev hay gaghtakanutyune Kovkasum 1914–1916 tt.* [Armenian Genocide and Armenian immigration in Caucasus in 1914–1916-ies]. In: *Hayots Tseghaspanutyun ardi khndirner* [Current topics of the Armenian Genocide], 2006, no 1, 26 p. [in Armenian].